

**ГОРИ, ГОРИ,
МОЯ ЗВЕЗДА!**

Литрес

Коллектив авторов

Гори, гори, моя звезда!

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206222

Гори, гори, моя звезда!: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-73983-7

Аннотация

Русский романс – незатейливый и трогательный – избрал в себя всю гамму человеческих чувств. Русский романс вечен, как вечна любящая и страдающая душа. В книгу собраны романсные шедевры А. С. Пушкина, пушкинской плеяды поэтов, А. Фета, фетовской плеяды поэтов, представлены и более ранние широко известные произведения Г. Р. Державина, В. Жуковского, легендарного Дениса Давыдова и не менее легендарного Федора Глинки. Включены в книгу и известные романсы неизвестных авторов, а также «цыганский романс».

Содержание

Тексты, приписываемые авторам XVIII – начала XIX века	10
«Уж как пал туман на сине море...»	10
«Размучен страстию презлою...»	12
«Ты проходишь мимо кельи, дорогая...»	14
«Не будите молодую...»	15
Неизвестные авторы	17
«Вниз по матушке по Волге...»	17
«Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи...»	18
Журнал любви	19
Песня («Волга, реченька глубока!...»)	20
Поэты первой половины XIX века	23
Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)	23
Тоска по милом (Романс)	23
Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...»)	24
Мальвина. Песня	26
Путешественник. Песня	27
Песня («О милый друг! теперь с тобою радость!...»)	29
Цветок. Романс	30
Жалоба. Романс	31

<Из баллады «Светлана»>	32
Пловец	34
Песня («К востоку, все к востоку...»)	36
Песня («Розы расцветают...»)	36
Весеннее чувство	37
Сон	38
Воспоминание	39
Верность до гроба	40
Счастье во сне	41
Голос с того света	42
Песня («Кольцо души-девицы...»)	43
«Счастлив, кто от хлада лет...»	45
Утешение в слезах	45
Листок	47
Песня («Минувших дней очарованье...»)	47
Победитель	48
Ночь	49
Любовь	50
Ночной смотр	51
Кондратий Федорович Рылеев (1795–1826)	54
Стансы («Не сбылись, мой друг, пророчества...»)	54
Элегия («Исполнились мои желанья...»)	55
Смерть Ермака	56
Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829)	60
Романс («Ах, точно ль никогда ей в персях	60

безмятежных...»)	
Денис Васильевич Давыдов (1784–1839)	61
«Сижу на берегу потока...»	61
И моя звездочка	62
На голос русской песни	62
Романс («Не пробуждай, не пробуждай...»)	63
Федор Николаевич Глинка (1786–1880)	65
Подоконье (С богемского)	65
Сон русского на чужбине	65
Песнь узника	67
Завейные следы	69
Тоска больной Нины	70
О друг молодой	71
Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)	73
Романс («Под вечер, осенью ненастной...»)	73
Казак	75
К живописцу	78
Роза	79
Слеза	79
К Морфею	80
Заздравный кубок	81
Певец	82
Пробуждение	83
Разлука	84
К***	85
Лиле	86

«Увы! зачем она блистает...»	86
«Погасло дневное светило...»	87
Черная шаль	89
«Ложится в поле мрак ночной...»	91
Муза	92
«Я пережил свои желанья...»	92
Кавказский пленник. Сцены из поэмы	93
Черкешенка	94
Пленник	95
Черкешенка	96
Пленник	97
Пленник	99
Черкешенка	99
Узник	100
Ночь	101
Телега жизни	101
Татарская песнь	102
Фонтану Бахчисарайского дворца	103
К морю	104
Испанский романс	107
<Из поэмы «Цыганы»>	108
«Птичка Божия не знает...»	109
Сожженное письмо	110
«Если жизнь тебя обманет...»	110
«Я помню чудное мгновенье...»	111
Зимний вечер	112

«В крови горит огонь желанья...»	114
Вакхическая песня	114
Буря	115
Признание	116
«Под небом голубым страны своей родной...»	117
Зимняя дорога	118
Талисман	119
«Не пой, красавица, при мне...»	121
«Дар напрасный, дар случайный...»	122
Наперсник	122
«Ворон к ворону летит...»	123
Предчувствие	124
«Кто при звездах и при луне...»	125
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	126
Дорожные жалобы	127
Делибаш[1]	128
Песня девушек	129
«Покамест упивайтесь ею...»	130
«Что в имени тебе моем?...»	131
Прощанье	131
«Для берегов отчизны дальней...»	132
Бесы	133
Цыганы	136
Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»)	137

«Я здесь, Инезилья...»	137
Из Barry Cornwall	139
Сватушка, сватушка	140
По камушкам, по желтому песочку	140
Русалки («Веселой толпою...»)	141
Русалки («Что, сестрицы? в поле чистом...»)	141
«Колокольчики звенят...»	142
Туча	143
«Жил на свете рыцарь бедный...»	143
Михаил Александрович Офросимов (1797– 1868)	147
Сосна	147
Коварный друг	148
Павел Александрович Катенин (1792–1853)	149
Любовь	149
Константин Николаевич Батюшков (1787 – 1855)	151
Ложный страх. Подражание Парни	151
Любовь в челноке	153
Источник	155
Радость	156
Разлука	158
Мой гений	160
«Есть наслаждение и в дикости лесов...»	161
Антон Антонович Дельвиг (1798–1831)	163

К Лилете	163
Первая встреча	164
Хата	165
Песня («Дедушка! – девицы...»)	166
Элегия («Когда, душа, просилась ты...»)	168
Русская песня («Ах ты, ночь ли...»)	169
Одинок месяц плыл	171
Жалоба	172
Романс («Прекрасный день, счастливый день...»)	172
Романс («Не говори: любовь пройдет...»)	173
Романс («Только узнал я тебя...»)	174
Русская песня («Что, красотка молодая...»)	175
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Гори, гори, моя звезда!

Тексты, приписываемые авторам XVIII – начала XIX века

«Уж как пал туман на сине море...»

Уж как пал туман на сине море,
А злодейка-тоска в ретиво сердце,
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выдти кручине из сердца вон.
Не звезда блестит далече в чистом поле,
Куруется огонечек малешенек:
У огонечка разостлан шелковый ковер,
На коврике лежит удал добрый молодец,
Прижимает белым платом рану смертную,
Унимает молодецкую кровь горячую.
Подле молодца стоит тут его добрый конь,
И он бьет своим копытом в мать сыру землю,
Будто слово хочет вымолвить хозяину:
«Ты вставай, вставай, удалой добрый молодец!
Ты садися на меня, на своего слугу,
Отвезу я добра молодца в свою сторону,
К отцу, к матери родимой, роду-племени,

К милым детушкам, к молодой жене».
Как вздохнет удалой добрый молодец —
Подымалась у удалого его крепка грудь;
Опускались у молодца белы руки,
Растворилась его рана смертная,
Пролилась ручьем кипячим кровь горячая.
Тут промолвил добрый молодец своему коню:
«Ох ты, конь мой, конь, лошадь верная,
Ты товарищ моей участи,
Добрый пайщик службы царския!

Ты скажи моей молодой жене,
Что женился я на другой жене;
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела».

1722(?)

«Размучен страстию презлою...»

Размучен страстию презлою
И ввержен будучи в напасть,
Прости, что я перед тобою
Дерзну свою оплакать часть.
Хотя твой милый взор, драгая!
Мне остры стрелы в грудь бросая,
Зрел действие своих побед, —
Но ты еще того не знаешь,
Колико мне ты причиняешь
Несносных мук и лютых бед.

Я с той жестокой мне минуты,
Как первый раз тебе предстал,
Питаю в сердце скорби люты,
Питаю страсть и пленник стал.
Не видишь ты, как я смущаюсь,
Как стражду, рвуся и терзаюсь
И горьких слез потоки лью?
Ты прежних дум меня лишила,
Ты жизнь мою переменяла,
Тебя, как душу, я люблю.

Всегда тебя в уме встречаю,
А стретив, зреть тебя хочу;
И где тебя найти лишь чаю,

Бегу туда, и там грущу.
Места, где страсть моя родилась,
Где кровь тобою вспламенилась,

Свидетели тоски моей:
Я в них тебя вспоминаю,
Твое в них имя повторяю
Стократно в памяти своей.

Теперь узнав себя подвластна
И частию владей моей;
Но сколько ты, мой свет! прекрасна,
Ты столько жалости имей,
За скорбь в душе моей смертельную
И рану в сердце неисцельную
Хоть сладку мне надежду дай.
Коль стыдно то сказать словами,
Хотя прелестными глазами
Скажи, скажи мне: уповай.

<1759>

«Ты проходишь мимо кельи, дорогая...»

Ты проходишь мимо кельи, дорогая,
Мимо кельи, где бедняк-чернец горюет,
Где пострижен добрый молодец насильно,
Ты скажи мне, красна девица, всю правду:
Или люди-то совсем уже ослепли,
Для чего меня все старцем называют?
Ты сними с меня, драгая, камилавку,
Ты сними с меня, мой свет, и черну рясу,
Положи ко мне на груди белу руку
И пощупай, как трепещет мое сердце,
Обливался всё кровью с тяжким вздохом;
Ты отри с лица румяна горьки слезы,
Разгляди ж теперь ты ясными очами,
Разглядев, скажи, похож ли я на старца?
Как чернец, перед тобой я воздыхаю,
Обливался весь горькими слезами,
Не грехам моим прощенья умоляю,
Да чтоб ты меня любила, мое сердце!

«Не будите молоду...»

Не будите молоду
Раным-рано поутру;
Разбудите молоду,
Когда солнышко взойдет,
Когда птички запоют,
Перепархивать начнут,
Когда милый пастушок
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играл,
Будто словом говорил:
«Собирайте, девушки,
Свое стадо на лужок».
Собиралися девушки,
В хоровод пошли играть.
Одна девка весела
В хоровод плясать пошла.
Манит девушка рукой
Пастуха плясать с собой:
«Сюда, сюда, пастушок!
Сюда, миленький дружок!»
Бросил стадо пастушок,
Пошел с девушкой в кружок.
Он часочек проплясал —
Коровушку потерял.
Он еще час проплясал —

И полстада потерял.
«Когда б знала молода —
Не манила б пастуха!»

Неизвестные авторы

«Вниз по матушке по Волге...»

Вниз по матушке по Волге,
От крутых красных бережков,
Разыгралася погода,
Погодушка верховая;
Ничего в волнах не видно,
Одна лодочка чернеет,
Никого в лодке не видно,
Только парусы белеют.

На гребцах шляпы чернеют,
Кушаки на них алеют.
На корме сидит хозяин,
Сам хозяин во наряде,
Во коричневом кафтане,
В перюиновом камзоле,
В алом шелковом платочке,
В черном бархатном картузе;
На картузе козыречек,
Сам отецкий он сыночек.

Уж как взговорит хозяин:

«И мы грянемте, ребята,
Вниз по матушке по Волге,
Ко Ленину подворью,
Ко Ивановой здоровью».
Аленушка выходила,
Свою дочку выводила,
Таки речи говорила:
«Не прогневайся, пожалуй,
В чем ходила, в том и вышла.
В одной тоненькой рубашке
И в кумачной телогрейке».

<1770>

«Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи...»

Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи,
Где живет несчастна старица в мученьи,
Где в шестнадцать лет пострижена неволей
И наказана суровой жизни долей!
Не тому, было, мучению я льстилась,
Но владел чтоб мной, кому я полюбилась;
Не к тому меня и в чин сей посветили
И блаженство в жизни будущей купили.
Ты взойди, взойди, любезный, в мою келью
И меня обрадуй счастья хоть тенью.

Не давай страдать ты долго мне в мученьи,
Ты утешь своим взором в огорченьи!
Ты положи свою ко мне на груди руку
И почувствуй бедна сердца тяжку муку!
Изведи меня из горькой сей напасти
И окончи ты мучительные страсти.

<1780>

Журнал любви

В понедельник я влюбился,
И весь вторник я страдал,
В любви в среду открылся,
В четверток ответа ждал.
Пришло в пятницу решенье,
Чтоб не ждал я утешенья.
В скорби, грусти и досаде
Всю субботу размышлял
И, не зря путей к отраде,
Жизнь окончить предпринял,
Но, храня души спасенье,
Я раздумал в воскресенье.
В понедельник же другой
Получил я от драгой
Ответ нежный и приятный
И с желанием согласный.
А во вторник отписал,

И письмо я к ней послал,
В коем всё то выражал
И всю страсть ей объявлял.
В среду думал сам в себе,
Как придет она ко мне:
Сколько радостей мне будет,
Скажу – вечно не забудет.
В четверток моя любезна
Отписала мне полезно,
Я в пяток чтоб вечерка
Ожидал ее у двора.
С нетерпеньем ждал часа,
Как пришла ко мне краса.

<1790>

Песня («Волга, реченька глубока!..»)

Волга, реченька глубока!
Прихожу к тебе с тоской;
Мой сердечный друг далеко,
Ты беги к нему волной.

Ты беги, волна, стремися,
К другу весть скорей неси,
Как стрела к нему пустися
И словечко донеси.

Ты скажи, как я страдаю,
Как я мучуся по нем!
Говорю, сама рыдаю,
Слезы катятся ручьем.

Вспомню, милый как прощался,
И туда вдруг побегу,
Где со мною расставался;
Плачу там на берегу.

С ветром в шуме Волга стонет,
А я рвуся злой тоской;
Сердце ноет, ноет, ноет
И твердит: «Где милый мой?»

Где мой друг, моя отрада?
Где девался дорогой?..»
Жизни я тогда не рада,
Вся в слезах иду домой.

Но к несносному мученью
Страсть должна свою скрывать,
Здесь предавшись слез стремленью,
Дома вид иной казать.

Как ни тошно, как ни больно,
Чтоб не знали страсть мою,
Покажусь на час спокойной;
Ночь зато проплачу всю.

«Поспешай ко мне, любезный!
Ты почувствуй скорбь мою,
Ток очей отри мой слезный,
Облегчи мою судьбу».

Только я уста сомкнула,
Стон пустился вслед за мной;
Мнится, реченька вздохнула,
Понесла слова волной.

<1793>

Поэты первой половины XIX века

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Тоска по милом (*Романс*)

Дубрава шумит;
Собираются тучи;
На берег зыбучий
Склонившись, сидит
В слезах, пригорюнясь, девица-краса;
И полночь и буря мрачат небеса;
И черные волны, вздымаясь, бушуют;
И тяжкие вздохи грудь белу волнуют.

«Душа отцвела;
Природа уныла;
Любовь изменила,
Любовь унесла
Надежду, надежду – мой сладкий удел.
Куда ты, мой ангел, куда улетел?
Ах, полно! я счастьем мирским насладилась:

Жила, и любила... и друга лишилась.

Теките струей

Вы, слезы горючи;

Дубравы дремучи,

Тоскуйте со мной.

Уж боле не встретить мне радостных дней;

Простилась, простилась я с жизнью моей:

Мой друг не воскреснет; что было, не будет...

И бывшего сердце вовек не забудет.

Ах! скоро ль пройдут

Унылые годы?

С весною – природы

Красы расцветут...

Но сладкое счастье не дважды цветет.

Пускай же драгое в слезах оживет;

Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;

Одна о минувшем тоска мне осталась».

18 февраля 1807

Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...»)

Мой друг, хранитель-ангел мой,

О ты, с которой нет сравненья,

Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу – в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо – им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной,
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить – одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не растается;
Проснусь – и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь – мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;

Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье —
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь – ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

1808

Мальвина. Песня

С тех пор как ты пленен другою,
Мальвина вянет в цвете лет;
Мне свет прелестен был тобою;
Теперь – прости, прелестный свет!
Ах! не отринь любви моления:
Приди... не сердце мне отдать,
Но взор потухший мой принять
В минуту смертного томления.

Спеши, спеши! близка кончина;

Смотри, как в час последний свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдом, любовью и тоской;
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый, безответный взгляд
Тебе, о милый, возвестят,
Что жизни кончилось страданье.

Ах, нет!.. когда ж Мальвины муку
Не услаждает твой приход,
Когда хладеющую руку
Она тебе не подает;
Когда забыт мой друг единый,
Мой взор престал его искать,
Душа престала обожать, —
Тогда – тогда уж нет Мальвины!

1808

Путешественник. Песня

Дней моих еще весною
Отчий дом покинул я;
Все забыто было мною —
И семейство, и друзья.

В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой

Я прошел путем-дорогой —
Вера был вожатый мой.

И в надежде, в уверенье
Путь казался недалек.
«Странник, – слышалось, – терпенье!
Прямо, прямо на восток.

Ты увидишь храм чудесный;
Ты в святилище войдешь;
Там в нетленности *небесной*
Все *земное* обретешь».

Утро вечером сменялось;
Вечер утру уступал;
Неизвестное скрывалось;
Я искал – не обретал.

Там встречались мне пучины,
Здесь высоких гор хребты;
Я взбирался на стремнины,
Через потоки стлал мосты.

Вдруг река передо мною —
Вод склоненье на восток;
Вижу зыблемый струею
Подле берега челнок.

Я в надежде, я в смятенье,
Предаю себя волнам;
Счастье вижу в отдаленье,
Все, что мило, – мнится – там!

Ах! в безвестном океане
Очутился мой челнок.
Даль по-прежнему в тумане,
Брег невидим и далек.

И вовеки надо мною
Не сольется, как поднесь,
Небо светлое с землею...
Там не будет вечно здесь.

1809

Песня («О милый друг! теперь с тобою радость!..»)

О милый друг! теперь с тобою радость!
А я один – и мой печален путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
В душе не изменись; достойна счастья будь...
Но не отринь в толпе пленяемых тобою
Ты друга прежнего, увядшего душою;
Веселья их дели – ему отрадой будь;

Его, мой друг, не позабудь.

О милый друг, нам рок велел разлуку:
Дни, месяцы и годы пролетят,
Вотще к тебе простру от сердца руку —
Ни голос твой, ни взор меня не усладят.
Но и вдали моя душа с твоей согласна;
Любовь ни времени, ни месту неподвластна;
Всегда, везде ты мой хранитель-ангел будь,
Меня, мой друг, не позабудь.

О милый друг, пусть будет прах холодный
То сердце, где любовь к тебе жила:
Есть лучший мир; там мы любить свободны
Туда моя душа уж всё перенесла;
Туда всечасное влечет меня желанье;
Там свидимся опять; там наше воздаянье;
Сей верой сладкою полна в разлуке будь —
Меня, мой друг, не позабудь.

1811

Цветок. Романс

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокой,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри... Очарованья нет;
Звезда надежды угасает...
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

1811

Жалоба. Романс

Над прозрачными водами
Сидя, рвал Услад венки;
И шумящими волнами
Уносил цветы поток.
«Так бегут лета молодые
Невозвратною струей;
Так все радости земные —
Цвет увядший полевой.

Ах! безвременной тоскою
Умерщвлен мой милый цвет.
Все воскреснуло с весною;
Обновился Божий свет;
Я смотрю – и холм веселый
И поля омрачены;
Для души осиротелой
Нет цветущия весны.

Что в природе, озаренной
Красотою майских дней?
Есть одна во всей вселенной —
К *ней* душа, и мысль об *ней*;
К *ней* стремлю, забывшись, руки —
Милый призрак прочь летит.
Кто ж мои услышит муки,
Жажду сердца утолит?»

1811

<Из баллады «Светлана»>

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном

Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой,
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».
— «Как могу, подружки, петь?
Милый друг далеко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался – вести нет,

Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

1811

Пловец

Вихрем бедствия гонимый,
Без кормила и весла,
В океан неисходимый
Буря челн мой занесла.
В тучах звездочка светилась;
«Не скрывайся!» – я зывал.
Непреклонная сокрылась;
Якорь был – и тот пропал.

Все оделось черной мглою,
Всколыхалися валы;
Бездны в мраке предо мною,
Вкруг ужасные скалы.
«Нет надежды на спасенье!» —

Я роптал, уныв душой...
О безумец! Провиденье
Было тайный кормщик твой.

Невидимую рукою
Сквозь ревущие валы,
Сквозь одеты бездны мглою
И грозящие скалы
Мощный вел меня хранитель.
Вдруг – все тихо! мрак исчез;
Вижу райскую обитель...
В ней трех ангелов небес.

О спаситель-провиденье!
Скорбный ропот мой утих;
На коленах, в восхищенье,
Я смотрю на образ их.
О! кто прелесть их опишет?
Кто их силу над душой?
Все окрест их небом дышит
И невинностью святой.

Неиспытанная радость —
Ими жить, для них дышать;
Их речей, их взоров сладость
В душу, в сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай все блага им вкусить;
Пусть им радость – мне страданье,

Но... не дай их пережить.

Август 1812

Песня («К востоку, все к востоку...»)

К востоку, все к востоку
Стремление земли —
К востоку, все к востоку
Летит моя душа;
Далеко на востоке,
За синевой лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.
И мне в разлуке с нею
Все мнится, что она —
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Чтоб мне об ней остался
Один блаженный сон.

1815

Песня («Розы расцветают...»)

Розы расцветают,
Сердце, отдохни;
Скоро засияют
Благодатны дни.
Все с зимой ненастной
Грустное пройдет;
Сердце будет ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцветет.

Розы расцветают —
Сердце, уповай;
Есть, нам обещают,
Где-то лучший край.
Вечно молодая
Там весна живет:
Там, в долине рая,
Жизнь для нас иная
Розой расцветет.

1815

Весеннее чувство

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?

Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...

Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.
Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?
Или снова раздастся
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка, странник поднебесный,
Все еще сей неизвестный
Край желанного сокрыт?..
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет,
Очарованное Там?

1816

Сон

Заснув на холме луговом,
Вблизи большой дороги,

Я унесен был легким сном
Туда, где жили боги.

Но я проснулся наконец
И смутно озирался:
Дорогой шел молодой певец
И с пеньем удалялся.

Вдали пропал за рощей он —
Но струны все звенели.
Ах! не они ли дивный сон
Мне на душу напели?

1816

Воспоминание

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобных вам уж сердцу не нажить!
Ваш след в одной тоске воспоминанья;
Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!

К вам часто мчит привычное желанье
И слез любви нет сил остановить!
Несчастье – об вас воспоминанье!
Но более несчастье – вас забыть!

О, будь же грусть заменой упованья!

Отрада нам – о счастье слезы лить!
Мне умереть с тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, – увы! и позабыть!

Начало 1816

Верность до гроба

Младый Рогер свой острый меч берет:
За веру, честь и родину сразиться!
Готов он в бой... Но к милой он идет:
В последний раз с прекрасною проститься.
«Не плачь: над нами щит Творца,
Еще нас небо не забыло;
Я буду верен до конца
Свободе, мужеству и милой».

Сказал, свой шлем надвинул, поскакал.
Дружина с ним; кипят сердца их боем.
И скоро строй неустрашимых стал
Перед врагов необразимым строем.
«Сей вид не страшен для бойца,
И смерть ли небо мне судило —

Останусь верен до конца
Свободе, мужеству и милой».

И, на врага взор мести бросив, он

Влетел в ряды, как пламень-истребитель.
И вспыхнул бой, и враг уж истреблен;
Но... победив, сражен и победитель.
Он почесть бранного венца
Принял с безвременной могилой,
И был он верен до конца
Свободе, мужеству и милой.

Но где же ты, певец великих дел?
Иль песнь твоя твоей судьбою стала?..
Его уж нет; он в край тот улетел,
Куда давно мечта его летала.
Он пал в бою – и глас певца
Бессмертно дело освятило;
И он был верен до конца
Свободе, мужеству и милой.

1816

Счастье во сне

Дорогой шла девица;
С ней друг ее молодой;
Болезненны их лица;
Наполнен взор тоской.

Друг друга лобызают
И в очи и в уста —

И снова расцветают
В них жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двух колоколов звон:
Она проснулась в *келье*;
В тюрьме проснулся он.

1816

Голос с того света

Не узнавай, куда я путь склоняла,
В какой предел из мира перешла...
О друг, я все земное совершила —
Я на земле любила и жила.

Нашла ли их? Сбылись ли ожидания?
Без страха верь; обмана сердцу нет;
Сбылось все; я в стороне свиданья;
И знаю *здесь*, сколь ваш прекрасен свет.

Друг, на *земле* великое не тщетно;
Будь тверд, а *здесь* тебе не изменят.
О милый, *здесь* не будет безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай: минувшее с тобою;

Незрима я, но в мире мы одном.
Будь верен мне прекрасною душою,
Сверши один начатое вдвоем.

Март 1817

Песня («Кольцо души-девицы...»)

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи, не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать,
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие,
Приду к ней – не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка,
На что мне твой привет?
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...

А мне мое колечко
С надеждою моей.

«Счастлив, кто от хлада лет...»

Счастлив, кто от хлада лет
Сердце охранил,
Кто без ненависти свет
Бросил и забыл;

Кто делит с душой родной,
Втайне от людей,
То, что презрено толпой
Или чуждо ей.

Утешение в слезах

«Скажи, что так задумчив ты?
Все весело вокруг;
В твоих глазах печали след,
Ты, верно, плакал, друг?»

«О чем грущу, то в сердце мне
Запало глубоко;
А слезы... слезы в сладость нам —
От них душе легко».

«К тебе ласкаются друзья,

Их ласки не дичись;
И что бы ни утратил ты,
Утратой поделись».

«Как вам, счастливым, то понять,
Что понял я тоской?
О чем... но нет! оно мое,
Хотя и не со мной».

«Не унывай же, ободрись,
Еще ты в цвете лет;
Ищи – найдешь; отважным, друг,
Несбыточного нет».

«Увы! напрасные слова!
Найдешь – сказать легко;
Мне до него, как до звезды
Небесной, далеко».

«На что ж искать далеких звезд?
Для неба их краса,
Любуйся ими в ясну ночь,
Не мысля в небеса».

«Ах! я люблюсь в ясный день,
Нет сил и глаз отвести;
А ночью... ночью плакать мне,
Покуда слезы есть».

1817

Листок

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор, по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится
И легкий розовый листок».

1818

Песня («*Минувших дней очарованье...*»)

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой,
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало

Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не узрит он минувших лет.
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

<*Конец ноября 1818*>

Победитель

Сто красавиц светлооких
Председали на турнире,

Все – цветочки полевые;

А моя одна как роза.
На нее глядел я смело,
Как орел глядит на солнце.
Как от щек моих горячих
Разгоралось забрало!
Как рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцирь!
Светлых взоров тихий пламень
Стал душе моей пожаром;
Сладкошепчущие речи
Стали сердцу бурным вихрем;
И она – младое утро —
Стала мне грозой могучей;
Я помчался, я ударил —
И ничто не устояло.

1822

Ночь

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездой своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом.
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явлением,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой.

1823

Любовь

На воле природы,
На луге душистом,
В цветущей долине,
И в пышном чертоге,
И в звездном блистанье
Безмолвные ночи —
Дышу лишь тобою.
Глубокую сладость,
Глубокое пламя
В меня ты вливаешь;
В весне животворной,
В цветах благовонных
Меня ты объемлешь
Спокойствием неба,

Святая любовь!

1828(?)

Ночной смотр

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:

Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;

И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фронту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею,
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И *Франция* – тот их пароль,
Тот лозунг – *Святая Елена*.

Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба

В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

1836

Кондратий Федорович Рылеев (1795–1826)

Стансы («*Не сбылись, мой друг, пророчества...»*)

А.А. Бестужеву

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней – истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжелой грустью, с черной думою

Я с тех пор один брожу,
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

<1824>

Элегия («Исполнились мои желанья...»)

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.

Напрасно я себя тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает – ночью хладной
Полузавялый василек.

Смерть Ермака

(П. А. Муханову)

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел.
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,

На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, – мнил герой, —
Друзья, под бурю ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;

В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы – не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег козачьи челны.

С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильнее —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,

Тяжелый панцирь – дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829)

Романс («Ах, точно ль никогда ей в персях безмятежных...»)

Ах, точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?

Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях ее? в них негой упивался
Роскошествовал и обмирал?..

Нет, нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный: он где-нибудь, он есть.
Любви волшебство! рай! восторги! трепет! – Вами,
Нет! – не моей душе процвествь.

<Декабрь 1823 – январь 1824>

Денис Васильевич Давыдов (1784–1839)

«Сижу на берегу потока...»

Сижу на берегу потока,
Бор дремлет в сумраке; всё спит вокруг, а я
Сижу на берегу – и мыслию далеко,
Там, там... где жизнь моя!..
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока,
Снедаем ревностью, задумчив, молчалив...
Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
Ты счастлив – но я жив...
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока...
Вздыхнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг...
И точно ль он любим? – ах, эта мысль жестока!..
Кипит отмщеньем дух,
И меч в руке моей мутит струи потока.

И моя звездочка

Море воеет, море стонет,
И во мраке, одинок,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливец, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою:

«Молодая, золотая
Предвещательница дня,
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое!»

1834

На голос русской песни

Я люблю тебя, без ума люблю!
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

Ты взгляни, молю, на тоску мою
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня, беспокойного,
Осчастливь меня, несчастливого.

Если жребий мой умереть тоской,
Я умру, любовь проклинаячи,
Но и в смертный час воздыхаячи
О тебе, мой друг, моя душечка!

1834

Романс («Не пробуждай, не пробуждай...»)

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память – мука жизни.
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

1834

Федор Николаевич Глинка (1786–1880)

Подоконье (*С богемского*)

Ночь придет. Знакомой мне
Обойдя дорожкой,
Запою я в тишине
Под твоим окошком:
«Спи, мой ангел! Добрый сон!
Пусть тебя лелеет он!..
Будь он сладок, как твоя
Золотая младость!
Кто ж приснится?.. Если я —
Улыбнись, как радость!
Спи, мой ангел! Добрый сон!
Пусть тебя лелеет он!..»

<1823>

Сон русского на чужбине

Отечества и дым нам

сладок и приятен!

Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымясь, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул – и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели.
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая

В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик – дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему взгрустнулося в тиши,
И он запел про *ясны очи*,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!» —
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздыхнул по стороне родной...

<1825>

Песнь узника

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости отчизна, край любезный!
Прости мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой.
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий – слезы и тоска!
Но я молчу, – такую долю
Взяла сама моя рука.

Откуда ж придет избавленье,
Откуда ждать бедам конец?

Но есть на свете утешенье
И на святой Руси отец!

О русский царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.

Он значит – милость! Будь на троне
И, наш отец, помилуй нас!

А мы с молитвой крепкой к Богу
Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь – и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник – в каземате —
Всё ту же песню запевал!..

1826

Завейные следы

Над серебряной водой,
На златом песочке
Долго девы молодой
Я берег следочки...

Вдруг завыло в вышине,
Речку всколыхало —
И следов, любезных мне,
Будто не бывало!..

Что ж душа так замерла?

Колокол раздался...
Ах, девица в храм пошла:
С ней другой венчался.

<1826>

Тоска больной Нины

С тех пор, как мы разлучены судьбой,
Я на одре в болезни и томленьи;
Полсердца ты, о друг, увез с собой!
Полсердца мне оставил на мученье.

Я жду тебя! Я жду тебя!

Я вяну, друг! Меня теснит тоска!
Моя заря, как вечер мне унылый!
Едва с пером подымется рука,
Тебе сказать едва имею силы:

Опять тоска идет с молчаньем ночи,
Когда земля и небо в тишине;
Мои от слез пылающие очи
Твой образ зрят во сне и не во сне!

1826

О друг молодой

О друг молодой, прекрасный друг!
Уж солнце за горами,
Певец зари мой нежит слух,
Луна над облаками.

Тебя я жду, тебя зову,
Уже густеют тени,
Присядь ко мне, склони главу,
На дружние колени.

Присядь ко мне, склони главу,
На дружние колени...

Она пришла, она была.
Душа при ней так млела!
Но вспыхнул день и, как стрела,
Куда-то отлетела.

Уж нет ее, и грусть пуста,
Ах, если б, если б чаще
Ко мне слетала так мечта,
Мне б горе было слаще.

Ко мне слетала так мечта,
Мне б горе было слаще!

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Романс («Под вечер, осенью ненастной...»)

Под вечер, осенью ненастной,
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Все было тихо – лес и горы,
Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинном сем творенье,
Вздыхнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих.
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты к груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Мне вечный стыд вина моя, —

Меня навеки ты забудешь;
Но не забуду я тебя!
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где мои родные?» —
И не найдешь семьи родной.

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня...

Ты спишь – позволь себя, несчастный,
Прижать к груди в последний раз.
Закон несправедливый, ужасный
К страданию присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
Бледна, трепещуща, уныла,
К дверям приблизилась она:

Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

1814

Казак

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь – дорога к деревушке,
Там – в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис:
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна серебрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девица-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напои коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому,

Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!»
– «Ночь красавицам опасна».
– «Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели,
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

К живописцу

Дитя харит и вдохновенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши.

Красу невинности прелестной,
Надежды милые черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытый прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно вздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

1815

Роза

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

1815

Слеза

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
Гусар мой спросил. —
Еще по ней ты, слава богу,
Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет *ее* со мною!...»
Вздыхнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И канула в бокал.
«Дитя, ты плачешь о девице,
Стыдись!» — он закричал.

«Оставь, гусар... ох! сердцу больно.
Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
Чтоб отравить бокал!...»

1815

К Морфею

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!

Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забуть любовь до новой ночи!

1816

Заздравный кубок

Кубок янтарный
Полон давно,
Пеной угарной
Блещет вино.
Света дороже
Сердцу оно;
Но за кого же
Выпью вино?

Здравие славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья!
Это веселье
Не веселит,

Дружбы похмелье
Грома бежит.

Жители неба,
Феба жрецы!
Здравие Феба
Пейте, певцы!
Резвой камены
Ласки – беда;
Ток Иппокрены
Просто вода.

Пейте за радость
Юной любви —
Скроется младость,
Дети мои...

Кубок янтарный
Полон давно.
Я – благодарный
Пью за вино.

1816

Певец

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?

Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

1816

Пробуждение

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокий
Во тьме глубокой

Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моления:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

1816

Разлука

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,

Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!
Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

1817

К***

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на все подъямлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю *милой* —

Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

1817

Лиле

Лила, Лила! я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лила: ты прекрасна
И бесчувственной красой.

1819

«Увы! зачем она блистает...»

Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает

Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнью молодою
Не долго наслаждаться ей;
Не долго радовать собою
Счастливым круг семьи своей,
Беспечной, милой остротою
Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу усладить...
Спешу в волненье дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее;
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей, —
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

1820

«Погасло дневное светило...»

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;

С волнением и тоской туда стремлюся я,
Воспоминая упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальним
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к берегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покою, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы молодые,

Подруги тайные моей весны златая,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

1820

Черная шаль

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей:

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

«Ложится в поле мрак ночной...»

Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный.

Здесь ночью нега и покой,
А днем и шум, и пируванье.
Приди на дружное призыванье,
Приди, о путник молодой!

У нас найдешь красавиц рой;
Их нежны речи и лобзанье.
Приди на тайное свиданье,
Приди, о путник молодой!

Тебе мы с утренней зарей
Наполним кубок на прощанье.
Приди на мирное призыванье,
Приди, о путник молодой!

Ложится в поле мрак ночной
От волн подняло ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!

Укройся в терем наш отрадный.

Муза

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой – и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

1821

«Я пережил свои желанья...»

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,

Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один – на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

1821

Кавказский пленник. *Сцены из поэмы*

Музыка.

Вдали видны горы и река. Ночь, светит месяц.
Пленник, склонясь головою на камень, лежит у забора
за саклями.

Занавес подымается.

Черкешенка показывается из-за гор, украдкой
подходит к пленнику. Пленник смотрит на нее с
удивлением. Она, став на колени, подносит ему кумыс.
Он пьет. Она садится подле него.

Черкешенка

Пленник милый!
Развесели свой взор унылый,
Склонись главой ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я в пустыне
С тобою, царь души моей!
Люби меня; никто доньше
Не целовал моих очей;
К моей постеле одинокой
Не крался в тишине ночной;
Слыву я девою жестокой,
Неумолимой красотой.
И знаю жребий мне готовый:
Меня отец и брат суровый
Немилому продать хотят
В чужой аул ценою злата;
Но умолю отца и брата,
Не то – найду кинжал иль яд.
Непостижимой, чудной силой
К тебе я вся привлечена;
Люблю тебя, невольник милый,
Душа тобой упоена...

Пленник

Забудь меня: твоей любви,
Твоих восторгов я не стою.
Бесценных дней не трать со мною:
Другого юношу зови.
Его любовь тебе заменит
Моей души печальный хлад;
Он будет верен, он оценит
Твою красу, твой милый взгляд,
И жар младенческих лобзаний,
И нежность пламенных речей;
Без упоенья, без желаний
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь след любви несчастной,
Душевной бури след ужасной;
Оставь меня; но пожалей
О скорбной участи моей!
Несчастный друг, зачем не прежде
Явилась ты моим очам,
В те дни, как верил я надежде
И упоительным мечтам!
Но поздно: умер я для счастья,
Надежды призрак улетел;
Твой друг отвык от сладострастья,
Для нежных чувств окаменел...
Перед собою, как во сне,

Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебе в забвении предаюсь
И тайный призрак обнимаю.
Об нем в пустыне слезы лью;
Повсюду он со мною бродит
И мрачную тоску наводит
На душу сирую мою.
Оставь же мне мои железы,
Уединенные мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы:
Их разделить не можешь ты.
Ты сердца слышала признание;
Прости!.. дай руку – на прощанье!

*Берет черкешенку за руку и крепко сжимает. Не
отнимая руки, со вздохом.*

Черкешенка

Ах, русский, русский, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебе навек я предалася!
Ты мог бы, пленник, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя б из жалости одной,

Молчаньем, ласкою притворной;
Я услаждала б жребий твой
Заботой нежной и покорной;
Я стерегла б минуты сна,
Покой тоскующего друга;
Ты не хотел... Но кто ж она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русский, ты любим?..
Понятны мне твои страданья...
Прости ж и ты мои рыданья,
Не смейся горестям моим!

Плачет, закрыв лицо руками.

Пленник

Не плачь: и я гоним судьбою,
И муки сердца испытал.
Нет, я не знал любви взаимной;
Любил один, страдал один;
И гасну я, как пламень дымный,
Забытый среди пустых долин;
Умру вдали берегов желанных;
Мне будет гробом эта степь;
Здесь на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь...

Пленник падает на изголовье. Вдали слышна черкесская песня.

В реке бежит гремячий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские девицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

*Пленник встает с усилием и садится на берегу реки.
Черкешенка подходит к нему: в одной руке у нее
кинжал, в другой пила.*

Черкешенка

Беги... нигде черкес тебя не встретит.
Спеши; не трать ночных часов;

Возьми кинжал: твоих следов
Никто во мраке не заметит.

*Черкешенка становится на колени у ног его. Железо
под пилюю визжит и цепь распадается.*

Ты волен! беги!

Пленник

О друг мой!
Я твой навек, я твой до гроба!
Ужасный край оставим оба,
Беги со мной...

Черкешенка

Нет, русский, нет!
Она исчезла, жизни сладость;
Я знала всё, я знала радость,
И всё прошло, пропал и след.
Возможно ль? ты любил другую!..
Найди ее, люби ее;
О чем же я еще тоскую?
О чем уныние мое?..

Прости! любви благословенья
С тобою будут каждый час.
Прости – забудь мои мученья,
Дай руку мне... в последний раз!..

*Пленник жарко обнимает черкешенку, и молча они
сходят к реке. Еще долгий поцелуй. Пленник бросается
в реку. Черкешенка бросается за ним.*

(Музыка.)

*Пленник показывается на другом берегу, взбираясь
по крутизнам и озираясь, ищет черкешенку глазами.
Потом пленник скрывается за горами.*

*Слышны за горами оклики русских сторожевых
казаков.*

Занавес опускается.

Узник

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1822

Ночь

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча

Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя...

1823

Телега жизни

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,

Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!...

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И, дремля, едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

1823

Татарская песнь

Дарует небо человеку
Замену слез и частых бед:
Блажен факир, узревший Мекку
На старости печальных лет.

Блажен, кто славный брег Дуная
Своею смертью освятит:

К нему навстречу дева рая
С улыбкой страстной полетит.

Но тот блаженной, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя.

Фонтану Бахчисарайского дворца

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадней!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?

Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

1824

К морю

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,

Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:

Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы

Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор воли.

1824

Испанский романс

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы

Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

1824

<Из поэмы «Цыганы»>

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,

Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

1824

«Птичка Божия не знает...»

Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда,
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу Бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет —
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людам скучно, людам горе;
Птичка в дальние страны,
В теплый край, за сине море

Улетает до весны.

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я: ничему душа моя не внемлет...
Уж пламя жадное листы твои приемлет.
Минуту!.. вспыхнули... пылают... легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

1825

«Если жизнь тебя обманет...»

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!

В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

1825

«Я помню чудное мгновенье...»

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья

Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

Зимний вечер

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка

И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

«В крови горит огонь желанья...»

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

1825

Вакхическая песня

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!

Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

1825

Буря

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалам?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

1825

Признание

Я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, – я зеваю;
При вас мне грустно, – я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь – мне отрада;
Вы отвернетесь – мне тоска;
За день мучения – награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..

Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

1826

«Под небом голубым страны своей родной...»

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.

Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

1826

Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика;

То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне...

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля, смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

1826

Талисман

Там, где море вечно плещет

На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя
Иль уста во мраке ночи

Поцелуют не любя, —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

1827

«Не пой, красавица, при мне...»

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне

Другую жизнь и берег дальный.

1828

«Дар напрасный, дар случайный...»

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

26 мая 1828

Наперсник

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:

Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

1828

«Ворон к ворону летит...»

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,

А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого.

1828

Предчувствие

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный

Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

1828

«Кто при звездах и при луне...»

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
Чей это конь неутомимый
Бежит в степи необозримой?

Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.

Как стекло булат его блестит,
Мешок за пазухой звенит,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булат – потеха молодца,
Ретивый конь – потеха тоже,

Но шапка для него дороже.

За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат,
Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
Донос на гетмана-злодея
Царю Петру от Кочубея.

«Я вас любил: любовь еще, быть может...»

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Дорожные жалобы

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил,

На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

1829

Делибаш¹

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к *лаве*,
Пожалей свое житье;

¹ Делибаш – конник турецкой армии (буквально «отчаянная голова»).

Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копьё.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике.
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

1829

Песня девушек

Девицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца,
К хороводу нашему.
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимтесь, милые,

Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною.
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

«Покамест упивайтесь ею...»

Покамест упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ее ничтожность разумею
И мало к ней привязан я;
Для призраков закрыл я вежды;
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.

«Что в имени тебе моем?..»

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

1830

Прощанье

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас.
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

1830

«Для берегов отчизны дальней...»

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;

Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

1830

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;

Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» – «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вот – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;

Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вон уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,

Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

1830

Цыганы

Над лесистыми берегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете – но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

1830

Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»)

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

1830

«Я здесь, Инезилья...»

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.

Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

1830

Из Barry Cornwall

Here's health to thee, Mary²

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.

1830

² Свет небес, святая роза (*лат.*).

Сватушка, сватушка

Сватушка, сватушка,
Бестолковый сватушка!
По невесту ехали —
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Верее молилися:
Веряя ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невесту ехати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся:
В мошне денежка шевелится,
К красным девушкам норовится.

По камушкам, по желтому песочку

По камушкам, по желтому песочку
Пробегала быстрая речка;
В быстрой речке гуляют две рыбки,
Две рыбки, две малые плотицы.
А слышала ль ты, рыбка-сестрица,

Про вести-то наши, про речные?
Как вечер у нас красна девица топилась,
Утопая, мила друга проклинала.

Русалки («Веселой толпою...»)

Веселой толпою
С глубокого дна
Мы ночью всплываем,
Нас греет луна.
Любо нам порой noctную
Дно речное покидать,
Любо с вольной головою
Высь речную разрезать,
Подавать друг дружке голос,
Воздух звонкий раздражать,
И зеленый, влажный волос
В нем сушить и отряхать.

Русалки («Что, сестрицы? в поле чистом...»)

Что, сестрицы? в поле чистом
Не догнать ли их скорей?

Плеском, хохотом и свистом
Не пугнуть ли их коней?

Поздно. Рощи потемнели,
Холодеет глубина,
Петухи в селе пропели,
Закатилась луна.

«Колокольчики звенят...»

Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
А люди-то, люди —
Ой люшеньки-люли!
А люди-то, люди
На цыганочку глядят.

А цыганочка-то пляшет,
В барабанчики-то бьет,
Голубой ширинкой машет,
Заливается-поет:
«Я плясунья, я певица,
Ворожить я мастерица».

<1833>

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1835

«Жил на свете рыцарь бедный...»

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Мать Господа Христа.

С той поры, сторев душою,
Он на женщин не смотрел,

И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу ввек
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом Пресвятой,
Устремив к Ней скорбны очи,

Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
*Ave, Mater Dei*³ кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
Ввстречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

*Lumen coelum, sancta Rosa!*⁴
Восклицал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Все влюбленный, все печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:

³ Радуйся, Матерь Божия (лат.)

⁴ Свет небес, святая роза (лат.)

Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

1835

Михаил Александрович Офросимов (1797–1868)

Сосна

Уединенная сосна,
Товарищ дикий и печальный!
Как грусть души моей сходна
С твоею тенью погребальной!

Тебе судил жестокий рок
Не осенять поток прозрачный...
Как ты мрачна, так мысли мрачны,
Я в мире так же одинок.

Кто разделит печаль мою?
Найду ль внимательных, послушных?
Прими меня под сень твою —
И слезы скрой от равнодушных!

Когда ж окончу скорбны дни,
Забут людьми, подругой милой...
Ты тенью мрачной и унылой
Мою гробницу осени!

Коварный друг

Коварный друг, но сердцу милый,
Я дал обет забыть твой ков,
Мои мечты, мою любовь, —
Забыть всё то, что жизни льстило.

Молил тебя не нарушать
Отрадный мир уединенья,
Но ты, жестокая, опять
Мое тревожишь сновиденье.

Зачем тому твое участие,
Над кем лежит судьбы рука?
Ужель страдальца, бедняка
Завиден так и призрак счастья?

Когда любви моей святой
Тебе внимать не приказали —
Оставь меня скорбеть душой,
Ты не поймешь моей печали.

Павел Александрович Катенин (1792–1853)

Любовь

О чем, о чем в тени ветвей
Поешь ты ночью, соловей?
Что песнь твою к подруге милой
Живит огнем и полнит силой,
Колелет грудь, волнует кровь?
Живущих всех душа: любовь.

Не сетуй, девица-краса!
Дождешься радостей часа.
Зачем в лице завяли розы?
Зачем из глаз лиются слезы?
К веселью душу приготовь, —
Его дарит тебе любовь.

Покуда дней златых весна,
Отрадой нам любовь одна,
Ловите, юноши, украдкой
Блаженный час, час неги сладкой;
Пробьет... любите вновь и вновь;
Земного счастья верх: любовь.

<1827>

Константин Николаевич Батюшков (1787 – 1855)

Ложный страх. *Подражание Парни*

Помнишь ли, мой друг бесценный!
Как с амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?
Помнишь ли, о друг мой нежной!
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась – но слегка?
Слышен шум! ты испугалась!
Свет блеснул и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась; я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за всё ручался,
И амуры на часах.
Всё в безмолвии глубоком.
Всё почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!»

Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном,
Молча новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день,
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б – и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единой,
Вакху час и сну другой.
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

Любовь в челноке

Месяц плавал над рекою,
Всё спокойно! Ветерок
Вдруг повеял, и волною
Принесло ко мне челнок.

Мальчик в нем сидел прекрасный,
Тяжким правил он веслом.
«Ах, малютка мой несчастный!
Ты потонешь с челноком!»

«Добрый путник, дай помóгу;
Я не справлю, сидя в нем.
На – весло! и понемногу
Мы к ночлегу доплывем».

Жалко мне малютки стало;
Сел в челнок – и за весло!
Парус ветром надувало,
Нас стрелою понесло.

И вдоль берега помчались,
По теченью быстрых вод;
А на берег собирались
Стаей нимфы в хоровод.

Резвые смеялись, пели
И цветы кидали в нас;
Мы неслись, стрелой летели...
О беда! О страшный час!..

Я заслушался, забылся,
Ветер с моря заревел;
Мой челнок о мель разбился,
А малютка... улетел!

Кое-как на голый камень
Вышел, с горем пополам;
Я обмок – а в сердце пламень:
Из беды опять к бедам!

Всюду нимф ищу прекрасных,
Всюду в горести брожу,
Лишь в мечтаньях сладострастных
Тени милых нахожу.

Добрый путник! в час погоды
Не садися ты в челнок!
Знать, сии опасны воды;
Знать, малютка... страшный бог!

Источник

Буря умолкла, и в ясной лазури
Солнце явилось на западе нам;
Мутный источник, след яростной бури,
С ревом и с шумом бежит по полям!
Зафна! Приблизься: для девы невинной
Пальмы под тенью здесь роза цветет;
Падая с камня, источник пустынный
С ревом и с пеной сквозь дебри течет!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко с тобою в пустынных краях!
Песни любви ты мне повторила;
Ветер унес их на тихих крылах!
Голос твой, Зафна, как утра дыханье,
Сладостно шепчет, несясь по цветам.
Тише, источник! Прерви волнованье,
С ревом и с пеной стремясь по полям!

Голос твой, Зафна, в душе отозвался; —

Вижу улыбку и радость в очах!..
Дева любви! – я к тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О друг мой невинный,
Тихо прижмися устами к устам!..

Будь же ты скромн, источник пустынный,
С ревом и с шумом стремясь по полям!

Чувствую персей твоих волнованье,
Сердца биенье и слезы в очах;
Сладостно девы стыдливой роптанье!
Зафна, о Зафна!.. Смотри... там, в водах,
Быстро несется цветок розмаринный;
Воды умчались – цветочка уж нет!
Время быстрее, чем ток сей пустынный,
С ревом который сквозь дебри течет!

Время погубит и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о дева любви!
Чувствуешь в сердце томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень в крови!..
Зафна, о Зафна! – там голубь невинный
С страстной подругой завидуют нам...
Вздохи любви – источник пустынный
С ревом и с шумом умчит по полям!

Первая половина 1810

Радость

Любимца Кипридина
И миртом и розою
Венчайте, о юноши

И девы стыдливые!
Толпами собирайтесь,
Руками сплетайтесь
И, радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мне лиру тиискую
Камены и грации
Вручили с улыбкою:
И песни веселию,
Приятнее не́ктара
И слаще амвросии,
Что пьют небожители,
В блаженстве беспечные,
Польются со струн ее!
Сегодня – день радости:
Филлида суровая
Сквозь слезы стыдливости
«Люблю!» мне промолвила.
Как роза, кропимая
В час утра Авророю,
С главой, отягченную
Бесцельными каплями,
Румяней становится, —
Так ты, о прекрасная!
С главою поникшею,
Сквозь слезы стыдливости,
Краснея, промолвила
«Люблю!» тихим шепотом.
Всё мне улыбнулося;

Тоска и мучения
И страхи и горести
Исчезли – как не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему
Меж бисерных облаков
Цитерскими птицами
К Цитере иль Пафосу,
Цветами осыпала
Меня и красавицу.
Всё мне улыбнулося! —
И солнце весеннее,
И рощи кудрявые,
И воды прозрачные,

И холмы парнасские!
Любимца Кипридина,
В любви победителя,
И миртом и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!

1810(?)

Разлука

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;

Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!»

Любви непобедима сила!
Она – мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!

Тогда, мой верный конь, споткнися,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка бранная порвися,
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался

Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался,
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам – игрушка,
А клятвы их – слова!

Всё здесь, друзья, изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелюю на воде.

1814

Мой гений

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,

Я помню очи голубые,
Я помню локоны золотые
Небрежно вьющихся волос.

Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель-гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? – прикиннет к изголовью
И усладит печальный сон.

1815

«Есть наслаждение и в дикости лесов...»

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов

И как молчать об них, не знаю...

1819

Антон Антонович Дельвиг (1798–1831)

К Лилете

Лилета, пусть ветер свистит и кверху метелица вьется;
Внимая боренью стихий и в бурю мы счастливы будем,
И в бурю мы можем любить! ты знаешь, во мрачном
Хаосе
Родился прекрасный Эрот.

В ужасном волненьи морей, когда громы сражались с
громами
И тьма устремлялась на тьму и белая пена кипела —
Явилась богиня любви, в коральной плывя колеснице,
И волны пред ней улеглись.

И мы, под защитой богов, потопим в веселии время.
Бушуйте, о чада зимы, осыпайтесь, желтые листья!
Но мы еще только цветом, но мы еще жить начинаем
В объятиях нежной любви.

И радостно сбросим с себя мы юности красну одежду,
И старости тихой дадим дрожащую руку с клюкою
И скажем: о старость, веди насладиться любовью в том
мире,

Уж мы насладились здесь.

1814

Первая встреча

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю —
Но всё меня к нему влекло,
Всё мне твердило: знаю!

Его кудрявые волосы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду – и он за мной.
На долгую ль разлуку?

Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты?» спросила я.
«Скажи, пастух унылый?»
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

1814

Хата

Скрой меня, бурная ночь! заметай следы мои, вьюга,
Ветер холодный, бушуй вокруг хаты Лилеты прекрасной,
Месяц свети не свети, а дорогу наверно любовник
К робкой подруге найдет.

Тихо дверь отворилась! О Лилета, твой милый с тобою,

Нежной, лилейной рукой ты к сердцу его прижимаешь;
Что же с перстом на устах, боязливая, смотришь на
друга?
Или твой Аргус не спит?

Бог-утешитель, Морфей, будь хранителем таин Амура!
Сны, готовые нас разлучить до скучного утра,
Роем тяжелым скорей опуститесь на хладное ложе
Аргуса милой моей.

Нам ли страшиться любви! Счастливец! – мои поцелуи
Сладко ее усыпят под шумом порывистым ветра;
Тихо пробудит ее с предвестницей юного утра
Пламенный мой поцелуй!

1815

Песня («Дедушка! – девицы...»)

«Дедушка! – девицы
Раз мне говорили. —
Нет ли небылицы,
Иль старинной были?»»

– Как не быть! – уныло
Красным отвечал я,
Сердце вас любило
Так, чего не знал я!

Было время! где вы,
Годы золотые?
Как пленяли девы
В ваши дни былые!

Уж они – старушки;
Но от них, порою,
Много на подушки
Слез пролито мною.

Душу волновали
Их уста и очи,
По огню бежали
Дни мои и ночи. —

«Дедушка! – толпою
Девы вскричали, —
Жаль нам, а тобою
Бабушки играли!

Как не стыдно! злые,
Вот над кем шутили!
Нет, мы не такие,
Мы б тебя любили!»

– Вы б любили? сказки!
Веры мне нейдет.
И на ваши ласки

Дедушка смеется.

1819

Элегия («Когда, душа, просилась ты...»)

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слёз
Из чаши бытия, —
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько долы и леса
И милый взгляд забыл, —
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним, в промелькнувшей старине,
Простился я давно.

Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного: люблю —
Не повторяйте ей!

1820

Русская песня («Ах ты, ночь ли...»)

Ах ты, ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Всё темнеешь
Тучами?

И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,

Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет,
Лютая,
Там глубоко
На сердце —
Позабудешь
Девицам
Усмехаться,
Кланяться;
Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!

Нет, взрыдаешь,
Всплачешься
И, безродный
Молодец,
На постелю
Жесткую,
Как в могилу,
Кинешься!

Одинок месяц плыл

Одинок месяц плыл, зыбился в тумане,
Одинок воздыхал витязь на кургане.
Одинок воздыхал витязь на кургане.

Свежих трав не щипал конь мой унылый.
«Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!
Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!»

Не к добру грудь моя тяжело воздыхает,
Не к добру сердце мне что-то предвещает,
Не к добру сердце мне что-то предвещает.

Не к добру без еды ты стоишь унылый,
Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!»

Конь вздрогнул, и сильней витязь возмущился,
В милый край, в страшный край, как стрела, пустился.
В милый край; в страшный край, как стрела, пустился.

Ночь прошла, все светло: виден храм с дубровой,
Конь заржал, конь взвился над могилой новой.
Конь заржал, конь взвился над могилой новой.

Жалоба

Воспламенить вас – труд напрасной,
Узнал по опыту я сам;
Вас боги создали прекрасной,
Хвала и честь за то богам:
Но вместе с прелестью опасной
Они холодность дали вам.
Я таю в грусти сладострастной,
А вы, назло моим мечтам,
Улыбкой платите неясной
Любви моей простым мольбам.

1822

Романс («*Прекрасный день, счастливый день...»*»)

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью всё кипит:
Она моя, она моя! —

Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,

Что, вольная, поешь?

Иль ты щебечешь про весну

И с ней любовь зовешь?

Но не ко мне – и без тебя

В певце любовь горит:

Она моя, она моя! —

Мне сердце говорит.

1823

Романс («*Не говори: любовь пройдет...»*»)

Не говори: любовь пройдет,

О том забыть твой друг желает;

В ее он вечность уповает,

Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей

Едва блеснувшие желанья?

Хоть миг позволь мне без роптанья

Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви

Досталось от небес жестоких

Без горьких слез, без ран глубоких,

Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

1823

Романс («Только узнал я тебя...»)

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилося во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала: люблю,
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,

Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

Русская песня («Что, красотка молодая...»)

Что, красотка молодая,
Что ты, светик, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
К белой ручке клонишь?

Или словом, или взором
Я тебя обидел?
Иль нескромным разговором
Ввел при людях в краску?
Нет, лежит тоска иная
У тебя на сердце!
Нет, кручинушку другую
Ты вложила в мысли!
Ты не хочешь, не желаешь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.